

О физике живого, человеке как квантовой системе и новой медицинской парадигме

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1583>

22 апреля 2013

Собеседник

Ситько Сергей Пантелеймонович

Ведущий

Буданов Владимир Григорьевич

Дата записи

Беседа записана 22 апреля 2013 и опубликована 12 мая 2014.

Введение

Рассказ ученого начинается с воспоминаний о том, как он участвовал в создании лабораторного комплекса кафедры ядерной физики при Киевском национальном университете им. Т.Г. Шевченко, защищал кандидатскую и докторскую диссертации, но большая часть беседы посвящена главной теме его жизни — физике живого, к концепции которой, будучи физиком-ядерщиком, он пришел случайно, в поисках средств лечения для больного сына. Ученый рассуждает о несовершенстве методов современной медицины, объясняет назначение электромагнитного каркаса человека и папиллярных узоров, рассказывает об открытых в Древнем Китае меридианах, которые проходят через тело человека. Сергей Пантелеймонович вспоминает крупных советских и иностранных ученых, оказавших содействие его разработкам либо проводивших исследования, которые должны были подтвердить или опровергнуть эффективность открытого им метода, делится достижениями своей клиники.

Сергей Пантелеймонович — ученый, живущий в неклассической научной парадигме, в некотором смысле — ревизионист, пытающийся сделать частью современного научного знания свои амбициозно-революционные гипотезы, но в то же время — практик и экспериментатор, готовый к проверке своих утверждений.

Владимир Григорьевич Буданов: Мы сегодня в гостях у человека удивительного. Это доктор физико-математических наук, профессор Киевского национального университета имени Тараса Григорьевича Шевченко, обладатель еще советской премии — премии Госкомитета по науке и технике. Человек, признанный во многих странах мира, удостоенный множества наград, в том числе кавалер ордена...

Сергей Пантелеймонович Ситько: Большой Золотой Крест бельгийской королевы.

В.Б.: Королева, значит, вручала. То есть как физик оказался столь востребован. Что за жизненный путь и какие достижения на этом пути, Сергей Пантелеймонович расскажет сам. Я только скажу, что это удивительный сплав фундаментальных знаний науки: квантовой физики, синергетики, медицины, биофизики и того, что Сергей Пантелеймонович называет квантовой медициной, или физикой живого. Это направление, которое, вполне вероятно, могло бы быть одним из центральных направлений единой системы научных знаний, которая существовала до конца 1980-х годов. Но драматические события истории распорядились так, что многие начинания не осуществились. Тем не менее здесь есть удивительные результаты, о которых мы поговорим. Мы работаем в рамках проекта «Устная история» — это проект, в котором мы пытаемся запечатлеть образы и мысли великих творцов науки и культуры, наших современников. Первый вопрос: ваше становление, детство, учителя — каким образом такой широчайший спектр интересов в итоге привел к рождению синтетического направления? Я с вами давно знаком и каждый раз восхищаюсь не только научными результатами, но и практическими, личностными достижениями, о которых чуть позже.

Об учебе и создании лабораторного комплекса в Киевском университете

С.С.: Школу я окончил в 1953 году. Я давно мечтал стать физиком, и в том же году я поступил...

В.Б.: Весной как раз Сталина хоронили, то есть такой знаменательный год...

С.С.: Ну да. Знаменитый год. В 1953-м я поступил на физический факультет, окончил его в 1958-м.

В.Б.: Физфак здесь или в Москве?

С.С.: Киевский университет окончил. Это интересная эпоха. Отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки периодически менялись, а я должен был первым, из Украины по крайней мере, ехать в Америку и там заканчивать последний год, пятый курс...

В.Б.: А что это было?

С.С.: Обмен, программа обмена.

В.Б.: В 1950-е годы? Это, наверное, с фестивалем связано, какая-то отдушина?

С.С.: Не знаю. Учиться тоже.

В.Б.: Учиться даже.

С.С.: Да, на пятом курсе. Но она [программа], наверное, прогорела, потому что проблема возникла: у меня подписан был свободный, фактически, диплом, потому что должен я был ехать в Соединенные Штаты...

В.Б.: А направление какое?

С.С.: Я занимался ядерной физикой, экспериментальной ядерной физикой. И кафедра только тогда возникла, вот в это время, в 1953 году. Общий курс — 1953-й, 1954-й, 1955-й, а дальше распределение по специальностям. И в это время кафедра ядерной физики возникла: не было места, не было заведующего кафедрой, где-то совмещалось все это с Институтом физики. Института ядерных

исследований не было еще, книг не было и так далее. Когда я закончил университет в 1958 году, нужно было какую-то базу создавать научную, экспериментальную. И заведующий кафедрой (академик Пасечник) принес мне книгу на английском языке, «Лабораторный практикум по ядерной физике», толстая такая.

” «Вот, — говорит, — переведешь эту книгу, а потом поедешь в Москву в университет и там посмотришь, что они делают, приобретешь опыт, вернешься и создашь лабораторный комплекс в Киевском университете на основании...»

В.Б.: ...зарубежного и отечественного опыта...

С.С.: Да, совершенно верно. Эта стажировка была довольно длительная, месяца три. Зимой 1958–1959 года я там три месяца работал. Там уже создан был Институт ядерных исследований при физическом факультете.

В.Б.: НИИЯФ, Научно-исследовательский институт ядерной физики.

С.С.: Да-да-да. Факт тот, что уже в следующем году я создал комплекс лабораторных стендов для студентов. Представляете? Ядерная электроника, экспериментальные методы физики, спектроскопия...

В.Б.: Я проходил практику в НИИЯФе и представляю, что это за объем.

С.С.: Вот это все я, по сути дела, перенес. Оборудование более новое где-то достали... И потом я начал заниматься ядерными исследованиями, так называемой физикой быстрых нейтронов. Вот любопытная вещь: физика быстрых нейтронов в Советском Союзе еще военная, а экспериментальная, чтобы что-то выдающееся было — редчайшая ситуация. И тут я должен похвастаться, что мне удалось обнаружить так называемый эффект аномального возбуждения лантаноидов. В ядре лантана возбуждается более сильно не двойка, так как обычно — дипольное возбуждение, а четверка. Я выступал, и все не могли поверить, как это так...

В.Б.: А это в рамках какого коллектива?

Защита докторской диссертации

С.С.: На кафедре ядерной физики, я тут остался в 1958-м. Сначала старшим лаборантом, потом старшим преподавателем, потом защитил кандидатскую, стал доцентом, потом защитил докторскую... И вот с защитой докторской — основная тема была это аномальное возбуждение... — тут тоже трагедия, судьба трагически вмешивается. Должен был оппонировать мне с докторской диссертацией профессор Базь. Мы в хороших отношениях, я ездил к нему докладывал, все такое. И вот, представляете, за месяц до защиты докторской диссертации (это 1979 год) он погибает: пожар у него в доме. И назначается мне новый оппонент из университета, он не в курсе дела, и его отзыв был и не отрицательный, и не положительный. Факт тот, что я должен защищаться на ВАКе в 1980 году. Как сейчас помню, событие неординарное. Приглашают меня выступить, я стою за столом, сидит экспертный совет, рядом в кресле дремлет Капица...

В.Б.: Сергей Петрович Капица, недавно ушедший от нас, сын Петра Леонидовича.

С.С.: Да. Но так как это удалось открыть не только мне, но и американцу Мак Элистрему, как сейчас помню, из Кентукки... Удивительная вещь: он каким-то образом нашел мои публикации и в «Physical Review» написал, что я открыл этот эффект раньше, чем он. А я журнал этот взял с собой. И вот дремлет Капица и вдруг открывает глаза и спрашивает: «Вы что, открыли новый эффект?» Я говорю: «Да». — «И американцы тоже?» — «Да». — «И американцы на вас сослались, что вы — раньше их?» — «Да», — говорю. «А где это опубликовано?» Я говорю: «В «Physical Review». — «У вас с собой есть этот

журнал?» — «Есть». — «Покажите». Я показываю. «Тогда какие могут быть вопросы?» Вот так удивительно. Мы и не были знакомы. И все. Через год я получил профессора в университете.

О состоянии медицины и наук, изучающих живые объекты

С.С.: А в 1980 году еще одно событие произошло — заболел мой младший сын. И благодаря этой болезни,

” из-за этой болезни я узнал, что медицины как науки не существует. Это все набор каких-то рецептов. Как говорил Резерфорд, и я с ним полностью согласен, что существует только одна наука — физика, а все остальное — коллекционирование марок.

В.Б.: Ну, разный критерий научности в разных науках. Конечно, физика — самый высокий стандарт.

С.С.: Она пытается выяснить, почему так, а не иначе, а все остальные описывают, систематику проводят. Я обнаружил, что в том понимании, в котором я воспитывался, медицины как науки не существует. Это некоторая эмпирика и все такое прочее. Более того, я с этой мыслью пришел к сегодняшнему дню. То есть я абсолютно уверен, что ситуация странная. Десятки наук, имеющих отношение к биологии, медицине, казалось бы, должны уводить человека от смерти ближе к жизни, здоровью и так далее. Но все эти науки, все абсолютно, не имеют критерия отличия жизни от смерти. Если критерий где-то есть, он нигде не указан, что убеждает людей в том, что отличия никакого нет. То есть, по сути дела, это как у Энгельса было, в школе нас учили: [жизнь] — есть способ существования белковых тел. Общаясь уже с тысячами людей, когда стал заниматься физикой живого, я обнаружил, что люди действительно считают, что не сегодня — завтра в пробирке будут выращивать детей, органы и так далее. Но все это абсолютная чепуха... Я убежден, что без женской матки, чтобы не вставить туда оплодотворенную яйцеклетку, которая зигота называется, невозможно будет иметь детей никогда. Два деления зиготы происходят еще нормально вне матки, а дальше все уничтожается. И это внушение, все эти стволовые клетки, вся эта мишура, выращивание и так далее, и так далее, по сути дела, — связано — я немного забегаю вперед — с Демокритом. В свое время он ввел атомизм: делиться, о большом можно узнать из маленького — из атома, молекулы и так далее. Нет никакого смысла на фундаментальном уровне изучать макроскопические структуры. И этот момент глубоко запал, и цивилизация шла по этому уровню, окружающий нас сегодня мир в значительной степени связан с атомизмом, но не все, не все. И когда касаемся живого, считается, что живое состоит из атомов, молекул, ядер, клеток. А все остальное строится из этого и не требует фундаментальных знаний для изучения живых объектов.

В.Б.: То есть новое качество, которое [появляется] при сложении организма из клеток, не учитывается?

С.С.: Да, не учитывается. Ничего не учитывается. Считается, что человек такой же по размеру, как стол, шкаф, кресло, кровать. Разве для ремонта, например, стола необходимо фундаментальное знание? Необходима квантовая механика, электродинамика (включая нелинейную квантовую), теория поля, синергетика, теория диссипативных структур, неравновесная термодинамика — то есть предметы, дающие фундаментальное знание? Нет, нет и нет. А математика современная столу разве нужна: теория фрактала, хаоса, катастроф, нелинейных дифференциальных уравнений? Тоже нет.

В.Б.: Почему? Вот я хочу понять, когда мне покрасить стол. Он когда облупится? И вы должны будете материаловедением заниматься, вы должны будете использовать синергетику. Все зависит от задач. Если я хочу на нем что-то делать, строгать или колбасу рубить — мне не интересно, а вот если материаловедение — все эти вещи появляются. Поэтому здесь все зависит от задач: то, для чего он предназначен, — не нужно, а как предмет в разных масштабах...

С.С.: Или вот если я хочу, например... у стола ножка сломалась. Для ремонта ножки нужна мне квантовая механика, электродинамика, теория поля, синергетика?

В.Б.: Может быть, нужна вот для чего: чтобы вы томики теоретических работ Ландау—Лившица (девять томов) вместо этой ножки и подложили. Вот в этом смысле.

С.С.: Да, как в том анекдоте известном. ...

” И потому в программе подготовки врачей высших учебных заведений практически полностью исключены предметы, дающие фундаментальные знания. Вот о чем идет речь.

Физику преподают один месяц за шесть лет обучения, математику — ни одного часа. Они находятся на уровне каменного века.

В.Б.: Нужен ли им, так сказать, другой век? Может, они обходятся своими рецептурными методами и вполне успешно?

С.С.: Может быть. Я вот считаю, что неверно. Что это не соответствует задачам XXI века.

В.Б.: Вот это надо сейчас объяснить тогда.

Недостатки классической медицины

С.С.: Проработав более тридцати лет в области фундаментальных вопросов жизни, я пришел к выводу, что все знания человечества — это только прелюдия, увертюра к началу изучения живого. Что одноклеточный живой организм в миллионы раз сложнее всего, что придумали наука и техника. Я в этом убежден. Достаточно сказать, например, что в человеческом организме имеется 10^{18} клеток, и каждая клеточка имеет одинаковый геном, одинаковую наследственность. Все 10^{18} . Это же чудо! Такого же уровня, как и душа. Оказывается, Митчелл получил Нобелевскую премию за то, что доказал, что 90% энергии метаболизма клетка тратит не на накопление химических превращений (АТФ, АДФ и так далее), а на создание напряженности поля. Напряженность поля. Гигантская! Каждой живой клетки — 10^5 вольт на сантиметр. Чудо! А Фрелих показал, что колебания, собственные колебания живых клеток находятся в диапазоне 10^{10} — 10^{11} Герц, то есть в миллиметровом диапазоне волн. Вот какие вещи важны. И дальше все это размножается — из одной клеточки все это создается. И органы создаются, никто их туда не вставлял. Медицина считает, что оно все ни с того ни с сего — деление, дробление, размножение...

В.Б.: Может быть, они просто привыкли к этому? Вы так рассказываете, как будто человек об этом не догадывался, что это чудо — жизнь. Они люди привычные, им этого знать не надо, они уже, как говорится...

С.С.: Они режут человека и не знают, что это квантовая система, не знают, что когерентное поле идет. Не знают, что меридиан (меридиан, который является так называемой нитью на языке сверхтекучести, сверхпроводимости), если вы его пересекли, не может идти через шов и делает обходной маневр, а чтобы укладывалось определенное количество длин волн, необходимы определенные условия.

В.Б.: Вы сейчас рассказываете чудесные вещи — это другая парадигма. Вы рассказываете мне, что там люди ничего не знают и не умеют, но в той парадигме медицина худо-бедно что-то лечит. Что-то же она лечит?

С.С.: Медицина катастроф необходима. Пулю вытащить, рану зашить, чтобы кровь не вытекла, кости собрать. И все. Ну, может быть, нарыв вскрыть. Остальное, что делают сегодня, — это, я считаю, преступление.

В.Б.: Вы, наверное, со своей позиции правы, но когда уважаемому академику или заслуженному врачу,

который считает, что он профессионал и делает честно свою работу, говорят, что он — преступник, вряд ли он с вами будет дальше разговаривать.

С.С.: Я с ними и не разговариваю. Я пытался. Работа, о которой я вам пытаюсь рассказать, считалась центральной научной работой Советского Союза.

В.Б.: Давайте тогда по порядку, потому что интрига будет велика. Есть официальная медицина, она идет каким-то таким мейнстримом: есть группа поддержки, группа гипотез, которые пробить сложно. Я понимаю, что за вашей речью стоит некий колоссальный опыт — и личный, и теоретический. Но это две разные парадигмы. Известно, что это несоизмеримые языки — они друг друга не понимают, но мы-то с вами пришли из физики. Значит, может быть, попробуем назвать вещи своими именами. Чего не хватает в той медицине, к которой мы все привыкли? И что, собственно, дает ваш подход, в чем он заключается? Потому что так, как я сейчас услышал... это...

С.С.: Напугать может!

В.Б.: Ну да. Я немножко знаю, чем вы занимаетесь, но, будучи медиком официальным, вряд ли бы дальше продолжил разговор, потому что ну как — человек просто обижает меня все время, зачем я должен с ним?.. Давайте сейчас так, как, скажем, разбирались бы сторонние специалисты, большой экспертный совет, куда входят физики, медики, биологи, и в том числе квантовики. В чем доказательность вашего подхода? Ведь вы сейчас целую концепцию хотите изложить, а она вызревала постепенно. Может быть, с этого начать?

О физике живого и квантовой медицине

С.С.: Я рассказываю современный взгляд.

В.Б.: А к современному взгляду мы еще придем. Вот как он возник? И тогда сразу станут понятны ваши шаги. Иначе получается, что это откровение сверхчеловеческого знания; Сергей Пантелеймонович обладает этим знанием, а остальным людям — чем докажешь? Как оно возникло? Вот это самое интересное.

С.С.: Я хочу сказать, что это не совсем так. Эта работа считалась центральной научной работой Советского Союза.

В.Б.: Как она формулировалась?

С.С.: Работа, которая называется «Физика живого». Ее курировало три человека, три главных специалиста Советского Союза. Это президент академии наук Александров, министр здравоохранения Чазов и председатель Комитета по науке и технике Толстых.

В.Б.: Это какой год?

С.С.: Это начиналось в 1986 году. В 1986 году создан был временный научный коллектив.

В.Б.: Это статусный, достаточно серьезный аргумент. Но ведь госкомитет эти вещи утвердил не на ровном месте, была какая-то предыстория. Расскажите!

С.С.: Ну конечно! Предыстория была связана с тем, что заболел мой сын, я уже сказал. И мне пришлось копнуть: как его починить, как восстановить? Я начал метаться по Советскому Союзу, пытаюсь [задействовать] знакомых, незнакомых. И выяснилось, что науки не существует: можно попробовать так вот, пускай головка тазобедренной кости висит так, вытяжения всякие — три года, а ребенку — восемь. Я думаю: как же так, а в Америке? И везде так — из таких примитивных соображений: вот эта косточка тут есть, надо ее растянуть, чтобы она смогла спокойно расти. Что она, сама растет? Почему так растет, а не иначе? Почему она должна форму приобретать? Тут даже мысли на эту тему не было. И самое главное, как я сегодня уже говорил, что нет критерия отличия живого от мертвого. Жизнь не отличается от смерти,

живое от мертвого.

В.Б.: Вам же временный коллектив дали не за этот вопрос, а за то, что вы сделали какие-то прорывные открытия?

С.С.: Да, название было «Проявления собственных характеристических частот человеческого организма». По сути дела, интуитивно в значительной степени, до 1986 года, даже раньше — я показал (и считаю это основным моим достижением), что

” **живое является четвертым уровнем квантовой организации природы. Это мне кажется очень важным. До меня считалось, что три уровня квантовой организации природы обеспечивают устойчивость мира.**

Это то, что называл Вайскопф квантовой лестницей природы: ядерный, атомный, молекулярный миры. Принципы тождественности и дискретности квантовой механики обеспечивают этим трем уровням природы устойчивость мира — все окружение вокруг нас, не считая живого. Ядро железа — как пример я приводил студентам — ядро железа имеет первый уровень возбуждения — 845 кило-электрон-вольт. И все ядра железа в мире имеют такой уровень возбуждения. Этим отличается железо от меди и так далее. Считалось, что таких уровней три: ядерный, атомный и молекулярный (линейчатые спектры и принцип тождественности). Основная моя работа так и называется — «Жизнь как четвертый уровень квантовой организации природы».

В.Б.: Это после этого госкомитет дал временный коллектив или там были какие-то другие... Это более поздний уже результат?

С.С.: Нет, название открытия прозвучало именно в таком плане (в 1982 году оно было) — «проявление собственных характеристических частот человеческого организма». То есть я сразу сказал, что человеческий организм имеет такие же тонкие линии, линейчатые спектры, как ядра, атомы, молекулы. Считалось, что этого не может быть. В твердом теле этого нет — сильная связь, экранировка.

В.Б.: Вы вот рассказывали по поводу фотонов, глаза и выращивания новых тканей. С чего там начиналось: воздействие излучения миллиметрового на сетчатку или роговицу...

С.С.: На самом деле миллиметровый диапазон электромагнитных волн осваивался позже остальных. Почему? Потому, что нет естественного источника. Естественный источник есть, конечно, — Солнце...

В.Б.: Я извиняюсь, просто вы рассказываете результат, к которому пришли, так, будто вам было откровение. Как вы к нему пришли?

С.С.: Сын заболел, папа у меня генетик умный (заведовал кафедрой генетики до войны в университете, а до этого был любимым учеником Шмальгаузена), и папа, конечно, бросился внука спасать. Попала ему статья в «Комсомольской правде», как сейчас помню: одесские врачи лечили в клинике глазных болезней пациента, так называемый скин-эффект — на высоких частотах поверхность нагревают локально и лечат. Испортился генератор — стандартный, заводской.

В.Б.: Они роговицей занимались?

С.С.: Да. Испортился стандартный генератор. А в это время уже получили Ленинскую премию за создание диапазонов миллиметровых волн. Искусственно создали, потому что естественно, от Солнца не доходит сюда — атмосфера поглощает. Один миллиметр воды поглощает в тысячу раз... То есть мы экранированы, изолированы в миллиметровом диапазоне. А тут, я уже не помню эту историю, кто-то привез в Одессу генератор (высокая частота — то была сантиметровая, а тут...), и начали лечить роговицу. И обнаружили, что человек, который двадцать лет болел язвой желудка, вылечился.

В.Б.: Лечили роговицу, а вылечили язву?

С.С.: Да. И это было удивительно. Меня заинтересовало это: очень низкие частоты, низкие мощности — интенсивности низкие. Я потом приехал к ним, говорю: вы так действительно лечите? В изобретении так написано, что вы светили на глаз? А они говорят: мы ж не идиоты, мы, конечно, написали, что на проекцию желудка светили. *(Смеются.)* Это важный момент. Но перед этим среди получивших Ленинскую премию в Харькове был Залюбовский, а жена его, Залюбовская, была аспиранткой академика Шахбазова, он в Харькове заведовал кафедрой генетики. Когда муж ее аппарат привез, говорит: совершенно новый диапазон, который никто никогда не мерил, но генераторы созданы искусственным путем, может, попробуешь? И она начала пробовать.

” Оказалось, что ничтожной мощности излучение, узкое по частоте, диапазону, радикально по-разному меняет состояние одноклеточных организмов, растений и так далее.

А так не должно быть, потому что это миллиметровый диапазон, там нет молекулярных переходов. Это неожиданно, необычно. Причем пытались повторить — иногда получалось, иногда нет. Диссертацию она защитила кандидатскую на эту тему.

В.Б.: То есть получается межклеточный какой-то уровень? Или это клетка дает?

С.С.: Как я сейчас понимаю (вы сейчас опять скажете, что я забегаю вперед), это патологическое межклеточное взаимодействие. На самом деле у того, с чем я сейчас работаю с людьми, изучаю их каркас, — интенсивность в сотни миллиардов раз меньше, чем все, что до сих пор в медицине использовалось — на уровне 10^{-21} Ватта на Герц, то есть на уровне отдельных квантов. Чем меньше, тем лучше, но нет такой аппаратуры, никто не занимается этим, никому это не нужно. Вот это толчок был тоже — Залюбовская... Тут все перемешалось. Залюбовский, кстати, был оппонентом моей то ли кандидатской, то ли докторской диссертации. Потом с Шахбазовым — сейчас методика Шахбазова у меня используется для определения биологического возраста. Вам тоже, наверное, определяли — мазки не брали, нет?

В.Б.: Нет.

С.С.: Потом, случайно, на какой-то конференции, Шахбазов мне признался, что, оказывается, был аспирантом моего отца. Такие вот неожиданные повороты. А сейчас мы пользуемся каждый раз его технологией — определяем биологический возраст. Это уникальная методика. Позволяет за пятнадцать минут сказать... Через час воздействия этот же человек — другой биологический возраст. Раньше и не нужна была такая динамика, мерили сегодня и через неделю, затем через две. А тут через пятнадцать минут — попали в резонанс или нет. И это тоже интуитивно меня толкнуло — Харьков, потом Залюбовская, — что

” организм — это целостная квантовая система. Этот момент очень важный. И так оно и есть. В конечном итоге так и оказалось, а тогда это было чисто интуитивно, когда заявку писали на открытие.

В.Б.: Открытие — это у вас коллектив был? Вы руководитель были?

С.С.: Да, я был руководитель. Нельзя сказать, что я официально был руководитель, потому что среди авторов был ректор университета. Бывший аспирант мой и ректор университета — втроем мы были. И тогда активно помогали нам с этим и Александров, и Патон. Они завелись, Патону очень понравилось. Через несколько месяцев 1980 года после открытия Михаил Ульянович Белый выступил на президиуме [АН СССР]. Александров говорит: давайте профессора Ситько немедленно в Москву! До сих пор я храню телеграмму на красном бланке — немедленно в Москву. Комиссии были — одна, вторая, третья,

проверяли все. Тогда я познакомился с академиком Гуляевым — он председателем комиссии был, приехал, говорит: язва желудка у человека, районная клиника его лечит двадцать пять лет, никто не может ничего сделать, а за десять дней твои врачи сделают так, что следа не останется? Я говорю: конечно. Хорошо. Я, говорит, приезжаю ровно через десять дней. Он уехал, а на третий день у него [больного] уже ничего не было. Но этот больной оказался алкоголиком и тут же удрал из больницы. И мы его только за несколько часов до приезда Гуляева нашли. Приехал Гуляев, обследовали — все, говорит, вопросов нет. И комиссий таких очень много было. Они все проверяли с 1980-го по 1986 год.

В.Б.: А эти явления переноса каркаса или генетики электромагнитного каркаса, — то, что связано с переносом с одних животных на другие — яиц цыплят на утят, это китаец какой-то делал?

С.С.: Он у меня работал. Это было позже — в 1985 году.... Надо в космос летать, где нет видов, или из остатков каких-то ихтиозавров выращивать — это все чепуха. Если нет когерентного поля вида — не будет ничего.

В.Б.: Расскажите немножко про эту историю...

С.С.: Конечно. В 1985 году возникает ситуация такая, китаец есть в Хабаровске, кажется, Цинь его фамилия. Я потом встречал его случайно на конференции в Крыму.... Если выращивать, например, пшеницу в поле кукурузы...

В.Б.: Имеется в виду волновод? Без усилителя?

С.С.: Да, обычный волновод. Или коза в период половой зрелости и крольчиха, беременная крольчиха — вырастают кролики с рогами.

В.Б.: Кошмар. Аж оторопь берет!

С.С.: Да, на кукурузе устюки пшеничные возникают и так далее. Это вполне реально. Только я мог понять, в чем дело, а все остальные исходили из общих соображений — вот ген, ген ответственен за что-то. Ну что за идиотская постановка вопроса: ген, который за что-то ответственен?

” Ну как ген может за что-то отвечать? Ген — это молекула, большая, сложная молекула, но нести ответственность ген не может. Это антропоморфизм. Живые люди только могут нести ответственность.

Вот ребенок пошел в школу, его вызвали к доске, он отвечает — несет ответственность. Хорошо ответил — пять получил, плохо — два получил. Домой пришел — папа посмотрел дневник да еще ремень взял. Вот это ответственность. А все остальное — это болтовня. Это не делает медицину наукой, когда ищут ген, который за что-то отвечает...

В.Б.: Тем не менее сейчас геновая инженерия что-то меняет, какие-то наследственные болезни исправляет...

С.С.: Это все чепуха! Мой бывший студент стал крупным бизнесменом, богатым и рассказывал: у него собака умерла, и он хотел ее клонировать. Нашел специалистов, а они ему: ну, это через сто лет. Это все сказки нереальные. А вот то, что интересно публике, — это восстановление утраченных конечностей, к примеру. Почему у лягушки лапка не отрастает, а у ящерицы хвост отрастает? Я знаю почему! Потому что у ящерицы место, где был хвост, все время слезится, на долю миллиметра слизь есть, а со слизью идет каркас — когерентное поле, первые чертежи, а по ним уже идет хвостик, потихонечку-потихонечку. А у лягушки нет этого. Если в лаборатории место, где была лапка, держать в растворе — лапка отрастает. Я, конечно же, забегая вперед — тридцать лет уже этим занимаюсь. Я уже от ядерной физики давно ушел. Фактически сразу. Нет, еще читал курсы по совместительству до 1988 года. То есть я почти тридцать лет проработал в университете, и уже тридцать лет, с 1986 года, я здесь. И когда слушаю и смотрю вот этих — биологи, медики... Вот биофизики — у нас нормальные отношения — выступаю, доклады

делаю. И тут говорят, что ничего нету. Ну как? У меня 46 институтов (!), отделений, конструкторских бюро, заводов, госпиталей, диагностических центров — все было задействовано. Это не упало откуда-то — но они не хотят этим заниматься.

” Было принято решение: все медицинские организации Украины должны иметь кабинеты квантовой медицины. Помню номер приказа — 136-й приказ от 1989 года.

И что? Создали курсы повышения квалификации...

В.Б.: Это какие годы-то?

С.С.: Сейчас скажу... В 1989 году приказ был...

В.Б.: Ну а потом все развалилось мгновенно.

С.С.: Да-да. И что вы думаете? Тысяча семьсот врачей — у меня фотография где-то есть... Эти врачи, чтобы получить сертификат с моей подписью, должны были принести историю болезни на двух больных (или трех даже), которых считали безнадежно больными и вылечили за десять дней. И они на экзамене все перебивают друг друга — а у меня такой случай, а у меня такой... Они не идиоты, понимаете? Они с удовольствием бы пользовались [этим методом]. Но их не учили. Им внушили, что примитивного ремесла достаточно, а это совершенно не так. Из тысячи семисот врачей тысяча четыреста, когда увидели, что никому не нужны врачи квантовой медицины... А у квантовой медицины первая заповедь: никогда не принимать никаких лекарств. Значит, до обеда они должны давать лекарства, а после обеда... Они обокрали своих боссов, которые дали им направления, заказали оборудование, украли это оборудование и уехали за границу. И где они там, кому оно нужно за границей?

В.Б.: Это же, на самом деле, общая ситуация. Вы аллопатию, эту индустрию, просто под нож пускаете. Кто это допустит? Поэтому квантовая медицина на уровне коммерческом вне закона — потому что она бесплатная фактически.

С.С.: Да, она вне закона. У меня работали четыреста человек. Когда их довели до пяти, послали комиссию — двадцать пять человек. Да, им еще и не платили зарплату несколько лет.

В.Б.: То есть у вас был центр? Вы до последнего там работали?

С.С.: Да, а центр этот мне подарил Александров вместе с Толстых. Дом этот. На первом этаже был университет — базовая организация. Ректор выделил мне первый этаж. А на втором и третьем жили люди — девять квартир. По моей просьбе Москва выделила деньги — девять квартир дали людям. Это мой дом, а тогда ведь не было частной собственности.

В.Б.: Тогда понятно, почему у вас поддержка везде блокируется. Потому что уровень государственного стратегического мышления... такого уровня сегодня нет, а вы смертный враг коммерциализированной медицины.

С.С.: <...> Роман Попадюк, первый посол Америки в Киеве (вот у меня фотографии с ним), созвал пресс-конференцию, потому что знает, что это наиболее весомый вклад Украины в мировую цивилизацию, — открытие природы жизни. Я с ним согласен, это действительно великое событие для Украины, для всей цивилизации. После бельгийского короля, который наградил меня, был конгресс ЮНЕСКО в 2005 году — «Будущее жизни и будущее нашей цивилизации» — незнакомые мне люди пишут рецензии, где говорят: нет никакого сомнения, что медицина третьего тысячелетия — это квантовая медицина профессора Ситько. Ну и что? Никому не нужно это все. А мне нужно. Мне нужно, потому что это действительно интересно. Вы знаете, настолько интересно! Я ведь уже не молодой человек... Чудо! Представьте, человек страдает на последней стадии онкологии, а я знаю, что

боль связана не с телом, а с когерентным полем, и боль может пройти мгновенно, если найден резонансный выход из метастабильного состояния, как в ядре, атоме, молекуле

(а у меня тридцатилетний опыт работы в фундаментальной физике!). Человек открывает глаза — и нормально все. Он болен, он должен умереть, ведь тело инерционное, а каркас вести сам не может без моей аппаратуры, лежать постоянно он тоже не может. Но технологии есть, чтобы тело быстрее подстраивалось под когерентное поле, и человек нормально себя чувствует. Единственный вопрос — почему это не сделают?

В.Б.: Ну, гомеопатия попала в разряд лженауки, и здесь даже голову поднять не дают. Вот эта фраза: «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда» — она здесь уже даже не работает. Вот тебе эксперименты, вот тебе больные, вот тебе и здоровые.

С.С.: Два миллиона человек!

В.Б.: Но мы этого не знаем, мы этого не хотим знать. Мы даже вопрос не будем ставить.

С.С.: Я тринадцать или четырнадцать лет выпускал журнал, главным редактором был журнала «Физика живого». Журнала, который реферировался — единственный из наших — в Соединенных Штатах Америки. Прислали мне сообщение: ваш журнал прошел аттестацию, реферруется. Ну и что? И журнал этот никому не нужен. Этот парень, бывший мой студент, миллионер, который хотел клонировать свою собаку, поддерживал какое-то время журнал...

В.Б.: Но собаку вы ему не клонировали?

С.С.: Собаку я ему не клонировал. Он потом разорился. Но это красиво, понимаете: что живое — это четвертый уровень квантовой организации природы. По сути дела, я создал и создаю макроскопическую квантовую механику.

О метастабильном состоянии как причине болезней

В.Б.: В этой связи два вопроса. Если на Земле от Солнца миллиметровый слой защищен, есть ли какой-нибудь фон, стимулирующий эту биологическую программу живого?

С.С.: Случайно в 1994 году мы с академиком Лисицей сообразили, что так называемое реликтовое излучение — это излучение, идущее из космоса (возникло, как говорят, во время Большого взрыва), — оно проходит сюда через окна прозрачности, через атмосферу, и тут регистрируется. Я пользуюсь этим. Вот этот динамический волновод, я увеличиваю площадь и снимаю все боли, онкологические в том числе. То же самое — ракушки; я выяснил, почему не болеют звери и рыбы в океане. Возникают метастабильные состояния потому, что появляются уровни с большим спином — большой момент количества движения.

В.Б.: Как юла: если ее крутануть, она стоит.

С.С.: И вот если на квантовом уровне возникает уровень с огромным спином, тогда возникает метастабильное состояние. Если возникают спины такие, как основное состояние, они тут же распадаются за 10^{-7} секунды, а если спин большой, чтобы его разрядить, нужны особые условия, и они создаются в спектроскопии. Я создаю в момент лечения: я ищу цепочку переходов, которые возможны не с огромной дипольностью — 10–15, а с дипольностью — 2–4, чтобы оно распалось. А если этого нет, метастабильное состояние зависло, и все те состояния, наследственность, которая определяется геномом, перестает работать, потому что она рассчитана на основное состояние, а оно заблокировано — заменено метастабильным состоянием, и там возникают свои уровни.

В.Б.: А откуда же этот спин берется? Откуда большой момент количества движения возникает?

С.С.: Ох, вы какой вопрос задаете... Как я считаю, для этого необходимы два события. Если беременность мамы проходит нормально и ребенок рождается нормально, он рождается абсолютно здоровым.

” В терминах моей науки я называю это рождается потенциально бессмертным и должен жить, не болея, в пределах тысячи лет, предусмотренных Богом, и не только Богом, но и квантовой механикой.

Истинная квантовая система не имеет времени — вернее, время есть, но оно мнимо. Периодические движения только когда E в степени $j\omega t$, j относится ко времени.

В.Б.: То есть $j\omega t$ и время у нас обычно действительное, а «омега» может иметь добавки. А тут вы делаете время мнимым...

С.С.: Да, я говорю, что время периодически. Периодическая система — вроде бы время есть, но...

В.Б.: Стационарное состояние — на самом деле плотность вероятностей фиксированная, от времени не зависит, а если у меня время мнимое, возникает время жизни, грубо говоря.

С.С.: Да, периодическое состояние. В ядре, атоме, молекуле нет времени. Нельзя даже спросить, сколько лет атому водорода или молекуле воды. Время исчезает и из жизни человека. Не только религия и Библия показывают, что человек должен жить в пределах тысячи лет, но и квантовая механика и биофизика живого, если это целостная квантовая система.

В.Б.: А мнимая компонента времени зачем возникает, за счет чего? Нарушение?

С.С.: Мнимая компонента времени указывает на периодическое движение.

В.Б.: А если реальное время у нас?

С.С.: Если реальное время, распад происходит. На кладбище спешим. Несколько дней назад рассказали замечательный анекдот, черный юмор. Больной приходит к врачу и жалуется, что у него и там болит, и тут болит. Врач у него спрашивает: «А дача у вас есть?» — «Да, и сад и огород». — «Ну, тогда больше времени проводите в огороде — сорняки выпалывайте, черnozем добавляйте, копайте...» Больной спрашивает: «Для чего?» Врач: «Ну как для чего, к земле привыкайте». *(Смеются.)* Так вот, метастабильное состояние возникает только в двух событиях. Первое — сглаз, проклятие. Второе — потеря сознания хотя бы на долю секунды. Сам по себе сглаз и проклятие на здорового человека никак не действует, здоровый человек даже не замечает этого. Но эта гадость обладает свойством прилипания. В научной литературе это называется солитонные прилипалы, электромагнитные квазичастицы с высоким спином — пространство закручивается. И они крутятся вокруг. А когда человек теряет сознание, защита исчезает, божественная защита.

В.Б.: А во время сна?

С.С.: Во время сна идет общение с Богом. Так вот, эта гадость попадает внутрь. Защита восстанавливается, а гадость уже внутри, и защита изнутри оказывается деформированной, причем деформируется не на механическом уровне (ложка сломалась), а на квантово-механическом уровне. Возникает метастабильное состояние, которое само разрядиться не может, оно зависает в воздухе. И яма эта фальшивая возникает между уровнями, возникают переходы, частоты которых совершенно никакого отношения не имеют к наследственности. Это чистая фальшивка, но организм не может отличить одно от другого — все воспринимает как наследственную информацию. И человек уже и не бегаёт, не прыгает, не пьёт, не курит и рассыпается — печенка, селезенка, мозг — все что угодно. По Женевской

классификации есть шестнадцать тысяч названий болезней, но по моим представлениям их может быть и шестнадцать миллионов — как пересеклись, смешались миллион истинных линий, несущих наследственную информацию, и миллион фальшивых — никто сказать не может. А потом гоняют людей по всему миру, чтобы они диагноз установили, и внушают им, что когда диагноз будет установлен... Это все абсолютная чепуха.

В.Б.: Тогда, может, просто пойти искренне помолиться, пойти очиститься — и все, уйдет болезнь?

С.С.: Конечно. Пока эта штука не находится на квантовом уровне, помогает многое: церковь, экстрасенсы, бабки, знахари. Но если пошло внутрь — только квантовая медицина, методы, которые отработаны в спектроскопии.

” Если есть возможность метастабильное состояние ликвидировать, человек опять становится потенциально бессмертным и может жить в пределах тысячи лет.

В.Б.: Я так понял, что миллиметры не проходят через атмосферу, а реликтовое излучение проходит. Оно что, не миллиметровое?

С.С.: Миллиметровое, но — узкие окна, может быть, в 100 Герц. Оно везде есть.

В.Б.: По мере расширения, разлета вселенной эта частота уменьшается, а длина волны увеличивается. Стало быть, биота, живые существа должны становиться большего размера, а в более ранней вселенной они должны были быть меньшего размера? Но это уже космические масштабы.

С.С.: Да. Но то, что виды исчезают, — связано с тем, что не будет человек один во вселенной жить. Не будет он в космосе сам по себе. И то, что нашли ген мамонта — это все ерунда, не сделают нового мамонта.

В.Б.: То есть виды, ушедшие с планеты, уже не могут быть возвращены потому, что нет видового поля.

С.С.: Да, совершенно верно. Может, когда мы научимся восстанавливать не один, не два, а сразу миллион, чтобы был каркас, когерентное поле, атмосфера... Но если этого нет — все бессмысленно.

В.Б.: А все эти приборы в России, типа «Витязь» — это все на уровне среднего поля, никакой когерентности не нужно?

С.С.: Нет конечно. Там диапазон, мощности огромные — они вредить могут. Я работаю на уровне 10^{-21} , а там 10^{-3} .

В.Б.: Это чисто тепловой эффект?

С.С.: Да, это чистая физиотерапия.

В.Б.: А термин «информационное воздействие» здесь неуместен?

С.С.: Слово «информация» не имеет отношения к фундаментальной физике. Мы говорим о квантовом переходе информации — это все придумали... Знаете, друг стажировку проходил в Париже и ему уборщица, которая у него убирала дома, рассказала: дочка как-то у нее спросила: «Мама, что такое любовь?» А она ответила: «Ее русские придумали, чтобы нам деньги не платить». Все эти торсионные поля, биофотоны... Знаете, если мы говорим о новой фундаментальной области исследования и вместо фотонов вводим биофотоны... Я в свое время ругался с этим немцем, как его...

В.Б.: Не Фрелих, нет?

С.С.: Нет, ну что вы... Фрелих — великий человек.

В.Б.: Встречались с ним?

С.С.: Ну конечно! Он же председатель комиссии был, международной экспертизы. Впервые в Советском Союзе и, наверное, уже и в последний раз, так как это уже было в 1989 году. И он написал, что это все — новая медицина и так далее, отправил обращение во Всемирную организацию здравоохранения...

В.Б.: Там есть какая-то тонкость, которую я плохо понимаю. Чернавский одно время эти вещи видел, понимал, а потом он мне говорил, что с Фрелихом у него был разговор, что для того чтобы когеренция была, нужна добротность лазера, а с добротностью дело не очень хорошо. Фрелих не смог ему ответить, и Чернавский бросил...

С.С.: Я могу ответить. В условиях $h\nu$ значительно больше kT в обычном лазере необходима сильная накачка состояния, здесь же kT значительно больше $h\nu$... Все условия есть, но нужна активная среда, чтобы накачка была, и потому 90% метаболизма идет на создание напряженности поля. Мембрана колеблется с частотой 10^{10} — 10^{11} Герц.

В.Б.: Что же получается, они просто делали лазеры на оптических диапазонах, у которых kT будет меньше...

С.С.: Да, там все это безнадежно. Нет, лазеры делают, конечно, но чтобы в природе каждая букашка-таракашка, каждый листик был живым — только тогда, когда источником является клетка, каждая клетка, так как геном одинаковый. Вот что получается красиво — геном одинаковый, напряженность поля огромная...

В.Б.: А длина волны для разных биологических существ одна и та же?

С.С.: Да, колебания мембран ретранслируются сразу.

В.Б.: Получается, что не только у человека, но и у животных и растений одна и та же частота? Мы все одна биота, и она похожа на то, что есть в излучении?..

С.С.: Не похожа, а та же — 50–60 ГГц. Второе название статьи, которую мы писали — «Еще одна загадка реликтового излучения», а мы послали «Не случайно ли космос светит в частотах жизни?».

В.Б.: Получается, что жизнь имела основы для зарождения с момента Большого взрыва?

С.С.: Да, если говорим «А», то скажем и «Б».

В.Б.: Ну, есть такая гипотеза, что космос и живая материя параллельно существовали. Не одно из другого появилось, а, как говорится, для жизни были свои основания в самом акте творения вселенной.

С.С.: Ну что, удовлетворил я вас?

В.Б.: Наоборот, мозги в состоянии восхищенного недоумения...

С.С.: Меня самого это поражает! Есть же самые тяжело больные, безнадежные и когда это все, квантом одним, в течение секунд... и человек счастлив, хорошо ему — это же чудо!

В.Б.: А что происходит, когда выздоравливает человек, на которого эту дрянь «бросили» — что происходит с теми, кто это сделал? Есть же причинные связи... взаимные...

С.С.: Да, происходит возврат туда — как аукнется...

В.Б.: Закон природы — надо отвечать за свои мысли и желания.

С.С.: Совершенно верно. Люди считают, что это глупость и чепуха. Зашли дети в сад, хозяин вышел, закричал: чтоб вам ноги поотрывало. Ну, ноги не поотрывало, люди и думают, что это все чепуха.

В.Б.: Понятно. Тогда получается, что если будет этическая компонента улучшаться, возрастать, тогда и продолжительность жизни автоматом будет увеличиваться?

С.С.: Абсолютно правильно. Вот посмотрите, ракушки работают как ловушки, спин становится маленьким,

и метастабильные состояния исчезают. Поэтому звери не болеют в океанах. В морях болеют, а в океанах нет.

В.Б.: Потому что океаны большие?

С.С.: Да, большие. Ракушки другие. Вот смотрите, какие ракушки океанские. Это вообще храм Будды.

В.Б.: Это вы сами где-то выловили или собираете?

С.С.: Нет-нет, это продают. В Киеве продают. Для красоты.

О трудностях развития физики живого и квантовой медицины

В.Б.: Я понимаю, что вы в одиночку все это тащите... Вы не хотите воспитать последователей, которые бы дальше практику эту вели?

С.С.: Я пытался. Журнал выпускал, у меня ученый совет был, я председатель Ассоциации физиков, работающих в медицине, член оргкомитета Биофизического общества Украины. Я пытался... Вот врач, у него глаза горят, с удовольствием [стал бы последователем], но ему же кушать надо. Нет же ставки «врач квантовой медицины», и ему либо ехать за границу, там надеяться на что-то, либо тут что-то искать. Видимо, раньше срока это все появилось.

В.Б.: Как-то же это надо зафиксировать. Когда-то же изменится ситуация.

С.С.: Я вроде квантовой медициной не занимаюсь. Я занимаюсь физикой живого. Я даже слово «медицина» не употребляю. Я открыл существование электромагнитного каркаса, когерентного поля, я его изучаю. И когда я его восстанавливаю методами квантовой спектроскопии, и человеку становится хорошо — это побочный эффект. А так люди благодарны. Даже когда человек умер, родственники приходят и благодарят за то, что человек умер без боли, без наркотиков обезболивающих — если каркас не удалось восстановить.

В.Б.: Наша эпоха продажна на всех уровнях, и даже в храме науки...

С.С.: Ха, продажна... Фрелих уже умер, потому я расскажу. Меня проверял Фрелих — председатель комиссии международной — Канада, Италия — естественно, я устроил прием у себя дома. И он рассказал эту историю. А он ведь всемирно известный ученый — ряд открытий названы его именем. Выдвинули его на Нобелевскую премию за сверхпроводимость. И прошел он уже все комиссии, на завтра назначено голосование, официальная часть, и никто уже не сомневался, что Фрелих получит Нобелевскую премию. И тут приходят два человека, представляются: из оргкомитета Нобелевской премии — и говорят: чтобы голосование прошло успешно, он должен 10–12% от этой суммы. Фрелих их выгнал: как это так! И не получил ничего... Это тоже можем вычеркнуть.

В.Б.: Ну, почему же, если это реальность... Дайсон тоже в свое время не получил. Фейнман, Томонага, Швингер — за аномальные магнитные моменты, а Дайсон — нет.

С.С.: Но сейчас я спокоен, после поездки в Шри-Ланку: вот мы едем на новый год в Шри-Ланку втроем. И на второй день пребывания — золотой Будда двенадцатиметровый в позе лотоса сидит, и он делает вот такое движение, потрясающее. Глеб говорит: «Папа, посмотри, да он твое упражнение делает!» Так что мне признание теперь совершенно не нужно.

В.Б.: Сергей Пантелеймонович, что могу сказать, наверное, Украина по-прежнему мало чем отличается от России: Левша, он говорил, что надо делать, как делать и каково было отношение наших чиновников.

С.С.: В России еще все не так плохо. В 2000 году Путин практически за мою работу государственную премию дал Девяткову, Голанду, Бецкому, которые от меня обо всем этом узнали, когда были в комиссии

от Комитета по науке и технике, еще во времена Советского Союза. Никакого упоминания обо мне там нет. Ну, они не одиноки. Я немецким коллегам в свое время подсказал, что надо уменьшать интенсивность излучения, и резонансные линии будут узкими, — тоже не сослались. А ведь важно, что при низких интенсивностях проявляется...

В.Б.: Сергей Пантелеймонович, вы меня поразили — и я теперь буду думать, что можно предпринять. Может быть, это возродится самым неожиданным образом.

С.С.: Опыт был в этом занятии. Надо было найти богатого человека... Например, Стив Джобс умер. Когда довели его до конца, ему уже никто не помог, но вот если бы когда только заболел... Вот такого типа... Вот вы имеете связи — [нужно найти] богатого человека.

В.Б.: Ну, у меня таких связей нет. Но важно, чтобы ваша деятельность широко была известна.

С.С.: Здесь важно, кто человеку сказал. А то получается как в анекдоте: «Миколо, ніяк не второпая, як працює безпроводний телеграф? — А ти знаєш як працює проводний? — Ні». Это из этой же серии. Как им объяснить квантовую природу? Как в магнитном поле меридианы идут? Я впервые китайские меридианы экспериментально увидел — подношу я магнитик к этому меридиану, и сразу резонанс исчезает.

В.Б.: То есть магнитное поле разрушает все это?

С.С.: Смещает.

В.Б.: А магнитный браслет — что он делает?

С.С.: Смещает, но неизвестно, в какую сторону. Пользы от него может быть столько же, сколько вреда.

В.Б.: Я хочу на камеру показать, как Сергей Пантелеймонович делает позу совершенства, а рядом фотография Золотого Будды, массирующего точки акупунктуры на пальцах руки. Причем Сергей Пантелеймонович делает позу совершенства с какого года?

С.С.: С 1998-го.

В.Б.: Уже пятнадцать лет и продолжает делать ее и сейчас, в семьдесят семь лет.

С.С.: Интересный момент, связанный с папиллярными узорами. На четырнадцатой неделе развития эмбриона происходит спонтанное нарушение симметрии. До четырнадцатой недели эмбрион принадлежит матери — она может делать с ним все что угодно вплоть до аборта. Но на четырнадцатой неделе входит по сути дела душа — спонтанное нарушение симметрии. Возникает двадцать шесть бегущих волн по телу эмбриончика. Они двигаются, проходят по конечностям, хрящи становятся костями. Идет отражение внутри от кожи и от кости. В тех местах, где идет отражение от кожи, возникают биологически активные точки. Они вот тогда рождаются.

В.Б.: То есть возникает электромагнитный каркас.

С.С.: Да, возникает этот каркас, доходит до ногтей — ногти твердеют тоже в этот момент, от ногтей идет отражение — прямая волна, обратная волна. И динамическая интерференция. Так возникают папиллярные узоры.

В.Б.: Этот процесс идет недели две?

С.С.: Нет, как правило, дней пять. И эти папиллярные узоры постоянны уже на всю жизнь и идут через все органы — селезенка, печень, сердце, половые органы, толстая кишка, легкие, желудок... Для чего эти узоры? Для того, чтобы полиция искала преступников? Нет, это мы связываемся с космосом — когерентное поле вида, рода, чтобы желудки у нас были человеческие, а у собак — собачьи. Вот о чем идет речь. Параллельный код получается.

